

А.М. Илюшин

Россия, Кемерово

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева
Вопросы этнокультурной истории раннего железного века и средневековья
Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Бормотово-3)

В 2017 году Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция проводила спасательные раскопки одиночного кургана Бормотово-3, который располагался близ одноименной станции на левом берегу р. Окуневка в Промышленновском районе Кемеровской области. Этот объект археологического наследия в 1991 году открыл А.М. Кулемзин, который отметил, что крупные размеры овальной земляной курганной насыпи 43×35×3,3 м вытянутой с ЮЮВ на ССЗ для данной местности являются уникальными (самый крупный земляной курган в Кузнецкой котловине) и предварительно датировал его периодом поздней бронзы.

При раскопках кургана в 2017 году были обнаружены и исследованы восемь могил, образующих два скопления в центральной (могилы 1–4) и юго-восточной части (могилы 5–8) сакрального пространства ограниченного ровом подчетырехугольной формы опоясывающим земляную насыпь. По составу погребенных людей в этих могилах, можно предполагать, что каждое скопление представляло собой миниатюрное семейное кладбище. Центральное (главенствующее) место на них занимали захоронения воинов-кочевников погребенных вместе со шкурами (манекенами) лошадей (могилы 1 и 7), что было характерно для погребального обряда кыпчаков в этом регионе Верхнего Приобья в период развитого средневековья. Главенствующая могила в первом скоплении подвергалась многократному ограблению. Несмотря на разграбление могилы 1 в центральных мужских захоронениях со шкурой лошади были найдены многочисленные археологические предметы (богатые поясные украшения, железные котелки с ручками и разнообразные предметы вооружения), которые указывают на высокий социальный статус погребенных мужчин в возрасте 20–25 и 25–35 лет (антропологические определения М.П. Рыкун).

В процессе раскопок по стратиграфии бровок был выявлен факт, что курганная насыпь сооружалась в несколько приемов, что и позволило достигнуть ей внушительных размеров и получить «статус самой большой земляной курганной насыпи в Кузнецкой котловине». К такому же выводу привели результаты анатомо-морфологического и возрастного состава наборов костей лошадей из разных объектов кургана (палеозоологические определения С.С. Онищенко). Выяснилось, что большинство остатков от скелетов лошадей из грабительского раскопа в центральной части относятся к более рослым животным, чем те которые захоронены в средневековых могилах на периферии. Кроме того, наличие в грабительском раскопе как минимум остатков от трех полнокомплектных скелетов лошадей отличает центральное ограбленное захоронение в могиле 1 от более поздних впускных средневековых захоронений, где использовались только части туш коней.

Для подтверждения этих данных был проведен радиоуглеродный анализ на возраст по двум пробам в аналитическом центре изотопных исследований ИМКЭС СО РАН (руководитель Симонова Г.В.). Проба №1 (предположительно ранний железный век) состояла из 4 шейных позвонков лошади найденных в грабительском перекопе над могилой 1, а проба №2 (предположительно период развитого средневековья) состояла из мелких костей ног лошади из могилы 5. Первая проба фактически датирующая время начала сооружения кургана и первичное захоронение в могиле 1 дала показатель 2815±80 ВР при калиброванных показателях по 1δ (68%) 1076–848 гг. до н.э., а по 2δ (95%) 1206–814 гг. до н.э. (среднее вероятное значение 985 г. до н.э.). Вторая проба датировала могилу 5 496±65 ВР при калиброванных показателях по 1δ (68%) 1322–1457 гг., а по 2δ (95%) 1297–1618 гг. (среднее вероятное значение 1420 г.). Эти даты подтверждают выводы, сделанные после исследования стратиграфии бровок и палеозоологической коллекции о том, что насыпь была

сооружена в два приема. Первоначально она была сооружена на рубеже периода поздней бронзы и начала раннего железного века, а затем вторично надстроена на рубеже периодов развитого и позднего средневековья. Такая датировка объекта исследования позволяет высказать новые гипотезы о развитии этнокультурных процессов на территории Кузнецкой котловины в древности и средневековье.

Первое на что себя обращает внимание это центральная могила 1, которая использовалась по прямому назначению дважды и была подвергнута неоднократному ограблению. Она была четырехугольной формы, имела внушительные размеры 3,57×3,22 м и была углублена в материк на 1,97 м. Именно над этой могилой и была возведена первичная земляная курганная насыпь, вероятно, в конце IX в. до н.э. По профилям бровок можно предполагать, что первичная насыпь имела округлую форму диаметром более 21 м и высотой более 2 м и не исключено, что она была окружена рвом округлой формы. При раскопках центральной могилы 1 в «грабительских перекопах» были найдены фрагменты дерева, археологических предметов, останки как минимум четырех человек (двое мужчин 20–25 и 50 лет, одна женщина 18–20 лет и индивид без половозростного определения), а также кости животных (косули, барана и четырех лошадей). Вся совокупность данных раскопок этого кургана в 2017 году позволяет предполагать, что изначально в этой могиле были погребены три человека (мужчина, женщина и индивид без половозростного определения) с тремя лошадьми. К сожалению, среди находок отсутствуют предметы периода начала сооружения курганной насыпи и могилы 1. Последнее связано с неоднократным ограблением могилы в различные исторические эпохи. Наблюдения, сделанные в процессе раскопок и работе с материалами, позволяют выделить ряд элементов-признаков первичного способа захоронения. В их числе ингумация людей с тушами коней, глубокая, прямоугольная (подквадратной формы) с овальными углами могильная яма, вероятно наличие деревянной внутримогильной конструкции (сруба).

До этого открытия считалось, что на территории Кузнецкой котловины первые элементы культуры раннего железного века связаны с появлением носителей большереченской археологической культуры, которые появляются в так называемый ирменско-большереченский (переходный) период (VIII)VII–VI вв. до н.э. Однако, выявленные элементы погребального обряда и способа захоронения на Бормотово-3 не известны в археологических культурах поздней бронзы, переходного времени и раннего железного века на сопредельных с Кузнецкой котловиной территориях. Способ захоронения и время сооружения первичной могилы и насыпи кургана Бормотово-3 указывают на раннескифские культурные традиции характерные для территорий Саяно-Алтая на начальном этапе аржано-майэмирского времени. Это является свидетельством того, что население Кузнецкой котловины в первые века I тыс. до н.э., преимущественно, состоящее из носителей ирменской археологической культуры было знакомо с формирующейся раннескифской культурой и ее носителями.

Второе на что обращает себя внимание это датировка комплекса средневековых материалов, которая располагается в пределах конца XIII–XIV–XV вв. При исследовании датировки средневекового комплекса вооружения и железных котелков из Бормотово-3 по археологическим аналогиям и корреляции их дат, памятник предварительно был датирован в пределах конца XII–XIII вв. Однако, если применить методику абсолютной датировки по аналогиям, дата объекта даже по оружию (железная сильно изогнутая сабля в средней части клинка и четырехгранный боеголовковый улиненно-ромбический с короткой шейкой наконечник стрелы) может быть омоложена до XIII–XIV вв. В пользу этой даты указывают очень редкие по своей форме стремяна, найденные в могилах 5 и 7 (рис. 1/ 1–4). Эти изделия отличаются массивностью и узкой прямой подножкой. На территории Кузнецкой котловины аналогичные изделия в единичных случаях известны на курганном могильнике Беково и курганной группы Солнечный-1 в комплексах датированных XI–XII и рубежом XII–XIII вв. с наибольшей вероятностью сооружения в начале XIII в. Эти находки довольно редки и на сопредельных территориях. По наблюдениям Выборнова В.А. за эволюцией стремян на

Среднем Енисее изделия с подобными характеристиками имели место в монгольский и начале постмонгольского периода истории. В пользу датировки впускных могил в Бормотово-3 монгольским временем указывают находки бронзовых уздечных шарнирных блях украшенных резным орнаментом, которые близки по форме и вероятно по происхождению с подобными изделиями аскизской культуры конца X–XIV вв. Среднего Енисея. В этой же культуре и регионе имеются аналогии железным двусоставным удилам с одним и двумя кольчатыми окончаниями звеньев с кольчатыми и комбинированными вертикальными псалями с гребнем и кольцами (рис. 2/ 1–3). На монгольский период сооружения впускных могил указывают и отдельные элементы погребального обряда. В кожаной сумочке, закрепленной на поясном ремне погребенного в могиле 7 мужчины, были найдены остатки кедровой шишки в виде орешек, что уже фиксировалось в Кузнецкой котловине на курганном могильнике Торопово-1, датированного XIII–XIV вв.

Косвенно на возможность омоложения датировки впускных погребений Бормотово-3 указывают письменные источники, где повествуется об уплате жителями Кузнецкой инородной волости налогов (алмана) джунгарским феодалам железными котлами. Найденные в могилах 1 и 7 на Бормотово-3 котлы (котелки или казаны) внешне и по технологии изготовления похожи на половецкие, но в отличие от них изготавливались из железа, а не бронзы, что было характерно для позднего средневековья и нового времени у аборигенов Кузнецкой котловины.

В целом, какую бы методику при датировке материалов впускных погребений на Бормотово-3 мы не использовали, она однозначно указывает на XIII век (монгольское время), но при этом ряд археологических предметов имеют аналогии, как в предшествующее, так и последующее время. Последнее нам представляется принципиально важным, так как позволяет ставить вопрос о преемственности в регионе культуры развитого средневековья населением позднего средневековья. При этом значительная трансформация культуры началась еще в XIV в. и продолжилась в XV в., когда процесс появления культурных инноваций практически прекратился, а отмирание традиционных черт культуры стало набирать высокие темпы. Эти обстоятельства стимулировали разрушение басандайской этнокультурной общности и положили начало формированию новых этнокультурных образований на переходе от развитого к позднему средневековью. Все это в совокупности и привело к тому, что XV в. в археологии Притомья стали называть «темным веком».

